

ЕВГЕНИЙ ЩЁЛОКОВ

РУБИЖОН

КОГДА НАДЕЖДА ВЕДЁТ В ПРОПАСТЬ

ГЕФЕСТ-3

РЕСУРСЫ
ЛЮДИ
ПРАВДА
ЦЕНА

ЗЕМНАЯ
КОНФЕДЕРАЦИЯ
ПРОТИВ
ХЛО

ДАЛЬШЕ
БОЛЬШЕ
ГЛУБЖЕ

ГЕФЕСТ-3

ГЕФЕСТ-3

ДОБЫЧА
РАЗВИТИЕ
НОВАЯ ЖИЗНЬ?

ИНЫЕ ЗАБИРАЮТ ТЕЛА
МЫ БОРОЕМСЯ ЗА ЛЮДЕЙ
НО ЧТО, ЕСЛИ НАДЕЖДА
ТОЖЕ ОРУЖИЕ?

Евгений Щёлоков

Рубикон

«Автор»

2026

Щёлоков Е.

Рубикон / Е. Щёлоков — «Автор», 2026

События третьей книги серии начинаются через 6 лет с момента первого контакта Земной Конфедерации с новой неизвестной воинственной расой Хло. После захвата Левиафана, Земная Конфедерация внедряет новые системы вооружения, а так же находит возможность вернуть сознание ранее захваченных Хло людей.

© Щёлоков Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Хроники Земной Конфедерации. Книга третья	5
Пролог.	5
Часть первая. Операция «Рубикон»	9
Глава 1. Дом, который выстоял	9
Глава 2. Совет и мораторий	11
Глава 3. Технологии Левиафана	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Евгений Щёлоков

Рубикон

Хроники Земной Конфедерации. Книга третья

Пролог.

Специмен №2261

Лаборатория номер семь глубокого архива трофейных образцов располагалась на пятом подземном уровне исследовательского комплекса «Прометей» — комплекса, выросшего за три года из небольшой группы контейнеров, в которых когда-то перевозили с Гранады-3 первые захваченные фрагменты Левиафана, в целый научный городок, где работали теперь три с половиной тысячи человек, ни один из которых не имел права рассказывать о своей работе даже ближайшим родственникам.

Военврач Марина Соболева — теперь уже майор медицинской службы, хотя погоны она носила скорее по необходимости, чем по призванию, — стояла перед рядом криогенных капсул, в которых хранились законсервированные останки уничтоженных Особей Хло, свезённые сюда со всех полей сражений операции «Возмездие». Три года она billed их, эти капсулы. Три года, миллиметр за миллиметром, она и её команда пытались понять природу того, что превращало живое существо — человека, животное, любую другую форму разумной или полумразумной жизни — в бездумный придаток чужой военной машины.

Сегодняшний эксперимент был рутинным — настолько рутинным, что Соболева едва не отменила его, сославшись на усталость после суток без сна, проведённых за анализом данных с последней партии образцов из освобождённого сектора Стрелка.

Аппаратура нейронного резонанса, установленная в центре лаборатории — громоздкая конструкция, увенчанная гроздью сенсоров, отдалённо напоминавших своей органической текстурой те самые биомеханические «мозги»-навигаторы, что были обнаружены на борту Левиафана три года назад, — представляла собой побочный продукт исследовательской программы Джамала Осея. Изначально прибор разрабатывался для одной-единственной цели: считывать остаточные нейронные паттерны в биологических процессорах захваченных кораблей Хло, чтобы понять принципы их работы. Но кому-то в лаборатории — Соболева уже не помнила точно, кому именно пришла эта мысль, — однажды пришло в голову: если аппарат способен считывать паттерны в биомеханическом мозге навигатора, почему бы не попробовать применить его к телам самих Особей?

— Запускаем партию сорок один, — произнесла она в диктофон, привычным движением активируя протокол сканирования. — Специмены с две тысячи двести пятьдесят пятого по две тысячи двести семидесятого. Материал получен с борта Левиафана, класс сохранности — удовлетворительный, криоконсервация проведена в течение шести часов с момента гибели.

Ассистент, молодой лейтенант по фамилии Крамер, только полгода как переведённый в «Прометей» из полевого госпиталя, подкатил тележку с первой капсулой к сканирующему контуру.

Первые двенадцать специменов дали ровно тот результат, что Соболева ожидала увидеть после трёх лет подобной работы: плоский, лишённый структуры нейронный шум, характерный для тел, чьё изначальное сознание — если оно вообще существовало в момент захвата — было

полностью стёрто или подавлено имплантами задолго до момента смерти. Обычная, будничная, горькая статистика этой войны.

— Специмен две тысячи двести шестьдесят один, — произнёс Крамер, вкатывая в контур очередную капсулу, на этикетке которой значился лишь номер, дата обнаружения — «Гранада-3, борт трофейного судна класса Левиафан», и стандартная пометка «причина гибели — огнестрельное ранение, дружественный огонь».

Соболева активировала сканирование, уже почти не глядя на экран — рутина притупляет бдительность быстрее, чем что-либо иное, — но краем глаза заметила, как показатели на дисплее вдруг дрогнули, отклонившись от привычной плоской линии.

Она резко наклонилась к монитору.

— Крамер, повторите сканирование. Немедленно.

— Что-то не так, майор?

— Просто повторите.

Второе сканирование дало тот же результат: чёткий, структурированный нейронный паттерн — не остаточный шум умирающих синапсов, а нечто, поразительно похожее на застывший, но целостный отпечаток некогда активного, осмысленного сознания. Такого Соболева не видела ни разу за три года работы с этой аппаратурой.

— Матерь божья, — прошептала она, забыв о профессиональной сдержанности. — Крамер, поднимите архивную карточку этого специмена. Полную, со всеми пометками регистрации.

Карточка образца №2261 была составлена в спешке — три года назад, в первые недели после захвата Левиафана, когда десятки тысяч тел, живых и мёртвых, проходили через наспех организованные пункты сортировки трофейного персонала, и никто не успевал уделять должного внимания каждому отдельному случаю. Пометка гласила сухо: «Обнаружен в изолированном отсеке №17, предположительно связанном с центральной навигационной системой судна. Убит при первичном контакте десантной группой. Причина — рефлекторная агрессия со стороны специмена, интерпретированная как угроза».

— Рефлекторная агрессия, — повторила Соболева, чувствуя, как в груди зарождается неприятное, тревожное предчувствие. — Крамер, запросите генетический профиль этого образца. Полную последовательность. И сверьте её с базой данных личного состава флота.

— С личным составом флота? — Крамер непонимающе моргнул. — Майор, зачем сверять образец Особи с базой данных наших военнослужащих?

— Просто сделайте это, лейтенант. Немедленно.

Ожидание результата заняло сорок минут — сорок минут, за которые Соболева не проронила ни слова, рассказывая по лаборатории взад-вперёд с той нарастающей, лихорадочной тревогой, что охватывает исследователя на пороге открытия, значение которого он ещё не может до конца осознать, но уже чувствует его пугающий масштаб.

Когда система выдала результат, Крамер побледнел так, что Соболева на мгновение испугалась, не хлопнется ли он в обморок.

— Майор... — его голос дрожал. — Совпадение стопроцентное. Генетический профиль специмена номер две тысячи двести шестьдесят один принадлежит... адмиралу Александру Викторовичу Долгину. Числится пропавшим без вести с предположительной гибелью в битве при Новой Веге, шесть лет назад.

Соболева опустила на стул, чувствуя, как ноги внезапно отказываются её держать.

Она заставила себя мыслить методично, отделяя эмоциональное потрясение от профессионального анализа — навык, выработанный годами работы военным врачом на передовой, где паника убивала быстрее, чем любое ранение.

Первый вывод складывался сам собой, стоило только сопоставить факты. Адмирал Долгин не погиб при Новой Веге шесть лет назад. Он был захвачен, превращён в Особь — так же, как капитан Дэвид Ортега, чью изуродованную тушу тогда же, при обороне Новой Веги, опознал сам Долгин. Всё это время, два года между падением Новой Веги и битвой при Гранаде-3, Долгин, судя по локации его обнаружения — «изолированный отсек, связанный с центральной навигационной системой» Левиафана, — находился в теле Особи, сохраняя, если верить чёткому нейронному паттерну на сканере, полное или частичное сознание.

А затем — и это было куда важнее первого вывода — именно в этом отсеке, судя по докладом десантной группы Гришина трёхлетней давности, был обнаружен разрушенный центральный координатор Левиафана: то самое биомеханическое существо, чья внезапная гибель лишила исполинский корабль-матку возможности координировать оборону и совершить спасительный гиперпрыжок, подарив человечеству решающую, невероятную победу.

Соболева закрыла глаза, чувствуя, как её пробирает дрожь от масштаба открывшейся истины.

Это не была случайность, — подумала она. — Это не была техническая неполадка, как записано во всех отчётах штаба. Долгин освободился. Сам, находясь внутри тела своего собственного захватчика, он нашёл способ уничтожить координатора Левиафана — и тем самым подарил нам победу при Гранаде-3. А потом наши же морские пехотинцы, три дня зачищавшие корабль от врагов, застрелили его, не узнав, приняв за очередную угрозу.

Второй вывод, пришедший следом за первым, был не менее ошеломляющим, но нёс в себе не горечь, а нечто похожее на робкую, едва зародившуюся надежду.

Если сознание Долгина смогло выжить два года внутри тела Особи, сохраняя себя, борясь с имплантами и в итоге вернув частичный контроль, — значит, тысячи людей, захваченных Хло за эти годы войны, теоретически не потеряны безвозвратно. Значит, где-то там, внутри искажённых, киборгизированных оболочек, до сих пор могут скрываться живые, мыслящие люди, запертые, но не уничтоженные.

Доклад лёг на стол адмирала Невила спустя двенадцать часов — Соболева настояла на личной встрече, отказавшись передавать информацию по стандартным каналам, зная, что такую новость нельзя доверить ни одному документу, ни одному кодированному сообщению.

Кабинет Невила на борту флагманского линейного крейсера «Александр Долгин» — новейшего корабля класса «Титан», первого из серии, воплотившей в металле и биосинтетике все уроки, извлечённые из изучения трофейного Левиафана, — был обставлен со спартанской простотой, свойственной адмиралу на протяжении всей его карьеры. Единственным украшением служил голографический портрет на стене — тот самый портрет Долгина, что три года назад ещё висел в его земном кабинете, а теперь, вместе с адмиралом, отправился в глубокий космос на борту корабля, названного в его честь.

— Майор Соболева, — произнёс Невил, поднимаясь навстречу вошедшей женщине, — Ирина сказала, что у вас информация чрезвычайной важности, требующая моего личного, немедленного внимания. Что случилось?

Соболева молча положила на его стол планшет с результатами сканирования и генетическим анализом.

Невил читал молча, и Соболева, наблюдая за его лицом, видела, как оно медленно, но необратимо меняется — от привычной сосредоточенной сдержанности человека, принимающего очередной оперативный доклад, к чему-то похожему на медленно наступающий шок, обнажающий под маской командующего живого, страдающего человека.

— Это ошибка, — произнёс он наконец, но в его голосе не было убеждённости — лишь отчаянная надежда на то, что произнесённые слова окажутся правдой. — Это должна быть

ошибка, майор. Генетический анализ, аппаратура нового поколения, только что разработанная... слишком много переменных для стопроцентной уверенности.

— Адмирал, — тихо ответила Соболева, — мы провели проверку трижды, разными методами. Результат неизменен. Это тело адмирала Долгина. И оно, судя по расположению обнаружения, показаниям сканера и логике событий, было последним, что уничтожило центральный координатор Левиафана — то есть, по сути, спасло исход битвы при Гранаде-3. Спасло всех нас.

Невил медленно опустился обратно в кресло, глядя на портрет старого друга на стене напротив.

— Он был жив, — произнёс он тихим, надтреснутым голосом. — Все эти два года, что мы считали его погибшим при Новой Веге, он был жив. Заперт в теле того, что он ненавидел больше всего на свете. Наблюдал, как это тело убивает наших людей. И когда он наконец, после двух лет ада, о котором мы даже не подозревали, нашёл способ сделать хоть что-то — хоть что-то, — он подарил нам победу. А потом наши же люди застрелили его, не узнав, не поняв, кто перед ними.

Он замолчал надолго, и Соболева, зная границы своей компетенции в подобных ситуациях, не решалась нарушить это молчание.

— Три года, — произнёс наконец Невил, и в его голосе теперь звучала не скорбь, а нечто более твёрдое, более острое, — три года я считал, что потерял его у Новой Веги. А оказывается, он был величайшим героем всей этой кампании — и умер, так и не будучи признанным даже нами.

Он поднял взгляд на Соболеву, и в его глазах она увидела то, что, как ей предстояло понять уже очень скоро, станет главной движущей силой всех последующих событий: не просто скорбь, но острое, жгучее чувство вины, требующее искупления.

— Второй вывод, майор, — произнёс Невил медленно. — Вы сказали, что если сознание Долгина смогло выжить внутри тела захватчика, значит, теоретически не потеряны и другие. Вы уверены в этом заключении?

— Настолько, насколько вообще можно быть уверенным на основе одного подтверждённого случая, адмирал. Но да. Я в это верю.

Невил долго молчал, глядя на портрет друга, а затем произнёс слова, что определили весь дальнейший ход операции «Рубикон» и, как окажется много позже, весь дальнейший ход его собственной жизни.

— Тогда мы найдём способ их вернуть, майор Соболева. Столько, сколько сможем. Считайте это моим личным приказом, вне зависимости от того, что скажет по этому поводу штаб или Совет. Мы в долгу перед Александром. Перед всеми, кто до сих пор заперт там, внутри чужих тел, и ждёт хоть какого-то шанса.

Часть первая. Операция «Рубикон»

Глава 1. Дом, который выстоял

На Земле, в том же скромном квартале Новосибирска, где Елена Ортега вот уже шесть лет растила двоих сыновей на вдовью пенсию погибшего капитана, жизнь текла теперь в ритме, который три года назад показался бы немыслимым даже выдавшим виды ветеранам первых лет войны.

Всеобщая воинская повинность, введённая полтора года назад решением Совета Конфедерации, изменила саму ткань повседневности. Каждый гражданин, достигший восемнадцати лет, обязан был пройти либо военную службу, либо, в случае признанной негодности, трудовую мобилизацию на военных предприятиях. Карточная система, и без того жёсткая после Новой Веги, ужесточилась ещё сильнее: мясо теперь выдавалось по особым талонам не чаще двух раз в неделю, свежие фрукты стали редкостью даже для тех, кто мог себе позволить их за немалую цену на чёрном рынке.

— Мам, — пятнадцатилетний Нил стоял на пороге кухни, всё ещё в форме кадетского класса при местной школе. Форме, которую он носил с той гордостью, что заставляла Елену сжиматься от тревоги каждый раз, когда она видела сына в этой одежде. — Мам, я подал документы в подготовительный класс военной академии. Приёмная комиссия сказала, что рассмотрит их через месяц.

Елена, стоявшая у плиты с кастрюлей, давно опостылевшей всем троим овсянки, единственного, что можно было приготовить в достаточном количестве при нынешних нормах довольствия, замерла, не оборачиваясь.

— Нил, тебе пятнадцать лет.

— В академию принимают с шестнадцати на подготовительный курс, — быстро ответил он, будто отрепетировал этот разговор заранее, а он, вероятно, действительно репетировал его не один день. — Через год мне будет шестнадцать. Я просто хочу, чтобы документы были готовы заранее.

Тринадцатилетний Норман, до этого молча ковырявший вилкой в своей тарелке, поднял голову.

— Мам, скажи ему, что это глупо.

— Заткнись, Норман, — резко бросил Нил.

— Это ты заткнись! — вспыхнул младший брат. — Ты хочешь пойти воевать с теми же тварями, что убили папу! Тебя же тоже убьют!

— Хватит! — Елена наконец обернулась, и оба мальчика мгновенно замолчали, увидев выражение её лица, то самое выражение, что появлялось у неё каждый раз, когда разговор заходил слишком близко к теме, которую она предпочла бы никогда больше не обсуждать.

Она поставила кастрюлю на стол и села напротив старшего сына, глядя на него — уже почти взрослого молодого человека с отцовскими тёмными волосами и тем же серьёзным, немного тяжёлым взглядом, что она помнила по фотографиям молодого Дэвида Ортеги на первом курсе флотской академии.

— Нил, — произнесла она тихо, — я не могу тебе запретить. Через год ты будешь достаточно взрослым, чтобы принимать это решение самостоятельно, и закон об обязательной службе всё равно заберёт тебя в восемнадцать, если война к тому времени не закончится. Но я хочу, чтобы ты понимал: твой отец не хотел бы, чтобы ты шёл в академию из ненависти. Он бы хотел, чтобы ты шёл туда, если вообще шёл, потому что веришь, что можешь что-то изменить. А не потому, что жаждешь мести.

Нил долго молчал, глядя в свою тарелку.

— А если и то, и другое, мам? — спросил он наконец, тихо, без прежнего вызова в голосе.
— Если я хочу изменить что-то, и мне это легче делать, потому что я их ненавижу?

Елена не нашла, что ответить. Она лишь протянула руку через стол и сжала ладонь сына, чувствуя, как груз этой бесконечной войны продолжает калечить её детей так же неотвратимо, как некогда искалечил и убил их отца — просто более медленным, более растянутым во времени способом.

Глава 2. Совет и мораторий

В зале заседаний Совета Земной Конфедерации, том самом, где шесть лет назад Долгин впервые доложил о начале войны, а три года назад Невил отстаивал план обороны Гранады-3, теперь разворачивалось противостояние иного рода, не между военными и гражданскими, а между двумя фракциями самого гражданского руководства, каждая из которых по-своему пыталась спасти Конфедерацию от истощения, вызванного шестью годами непрекращающейся войны.

— Госпожа Брандт, — голос министра экономики Юлии Стрельцовой звенел от с трудом сдерживаемого раздражения, — ваш мораторий на колонизацию душист экономику Конфедерации быстрее, чем это делает сама война! У нас есть освобождённые территории — Гефест-3, десятки аванпостов вдоль вектора прежнего вторжения Хло, — богатые ресурсами, готовые к заселению, а вы блокируете любые попытки их освоения из-за теоретических страхов!

Хелена Брандт, чьё лицо за прошедшие годы избороздили морщины, свидетельствующие о бремени решений, что легли на её плечи с самого первого дня контакта с Хло, отвечала с той же непреклонной твёрдостью, что отличала её всегда.

— Теоретических, госпожа Стрельцова? — переспросила она. — Новая Вега тоже казалась «готовой к заселению». Двести пятьдесят тысяч человек погибли там отчасти потому, что мы недооценили риски скорого освоения территорий, граничащих с активностью Хло. Мы находим руины предтеч практически на каждой планете, представляющей интерес для колонизации, — и мы до сих пор не понимаем, какая связь существует между этими руинами и появлением самой расы Хло. Пока эта загадка не разрешена, я не позволю повторить катастрофу.

— А пока вы «не позволяете», — парировала Стрельцова, — заводы работают на треть мощности из-за нехватки сырья, которое мы могли бы добывать на освобождённых мирах! Люди голодают, еду выдают по карточкам, госпожа советник! Сколько ещё протестов должно произойти на улицах Берлина, Вашингтона, Новосибирска и Пекина, прежде чем вы признаете, что осторожность имеет свою цену?

Адмирал Невил, приглашённый на это заседание для доклада о ходе операции «Рубикон», молча наблюдал за этим спором, уже не первым подобным спором за последние месяцы, понимая, что окончательное решение, каким бы оно ни было, ляжет тяжким грузом либо на военную безопасность Конфедерации, либо на её экономическое выживание, и что выбор между этими двумя опасностями не имел лёгкого решения.

— Адмирал Невил, — обратилась к нему наконец Брандт, — быть может, вы выскажете вашу позицию как человек, наиболее осведомлённый в вопросах реальной угрозы со стороны Хло?

Невил поднялся, обводя взглядом собравшихся членов Совета.

— Моя позиция проста, — произнёс он. — Операция «Рубикон» продвигается успешно. Мы отвоёвываем территории, захваченные Хло в первые годы вторжения, и благодаря трофейным технологиям Левиафана наш флот впервые за всю историю этой войны не уступает противнику в манёвренности. Но я согласен с советником Брандт в одном принципиальном вопросе: мы до сих пор не понимаем природу нашего врага. Мы не знаем, откуда взялись Хло, что движет их экспансией, есть ли у них какая-то централизованная структура управления, которую можно было бы уничтожить, положив конец этой войне раз и навсегда. Пока эти вопросы остаются без ответа, любое поспешное расширение гражданского присутствия на приграничных территориях представляется мне неоправданным риском.

Стрельцова стиснула зубы, но не нашла, что возразить прямо адмиралу, чей авторитет после Гранады-3 был непререкаем даже для самых упорных политических оппонентов.

— Хорошо, — произнесла Брандт, — Совет сохраняет мораторий на новую колонизацию до особого распоряжения. Но, — она сделала паузу, глядя на Стрельцову, — я готова рассмотреть исключение для уже частично освоенных, «очищенных» военными секторов при условии полной геологической и технической проверки на предмет остаточной активности Хло.

Это компромиссное решение, произнесённое как будто мимоходом, должно было спустя несколько месяцев обернуться катастрофой, которую никто в этом зале пока не мог предвидеть.

Глава 3. Технологии Левиафана

В бюро перспективных технологий, разместившемся на одной из орбитальных верфей Марса, Марк Уэллс демонстрировал Невилу и Соколовой результаты трёхлетней работы по адаптации трофейных технологий захваченного корабля-матки для нужд флота Земной Конфедерации.

— Основная проблема всей нашей военной доктрины со времён первого контакта, — говорил Уэллс, ведя гостей вдоль сборочного цеха, где инженеры в защитных костюмах монтировали на каркас будущего крейсера странные, отдающие органической текстурой панели, — заключалась в неразрешимом противоречии между бронёй и манёвренностью. Программа «Панцирь», спасшая нас при Гранаде-3, решала проблему брони ценой скорости и манёвра. Но при изучении систем Левиафана мы обнаружили принципиально иной подход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.